

АЛЕКСЕЙ ЕВДОКИМОВ

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Алексей Евдокимов

Они были первыми

«Автор»

2023

Евдокимов А.

Они были первыми / А. Евдокимов — «Автор», 2023

Краповые береты... Это элита спецназа России! Бойцы внутренних войск всегда первыми встречали врага на границах страны. В июне 1941 года Германия готовит нападение на СССР. По распоряжению командующего пограничными и внутренними войсками НКВД генерала Масленникова на территории Польши создана агентурная сеть, через которую поступает информация о сосредоточении частей вермахта у границ Белоруссии. Связь с сетью поддерживает сотрудник НКВД Павел Горбенко. Во время очередной поездки в Польшу он попадает в критическую ситуацию, так как немецкой разведке «Абвер» становится известно о его задании...

© Евдокимов А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть первая. Накануне	5
Москва. Кремль. 19 июня 1941 года...	5
Западная Белоруссия. Гродно. 20 июня 1941 года...	8
Варшава. Сулеювек. 20 июня 1941 года...	9
Берлин. Рейхсканцелярия. 20 июня 1941 года...	11
Польша. Балинка. 20 июня 1941 года...	12
Берлин. Штаб-квартира «Абвер». 20 июня 1941 года...	14
Польша. Сувалки. 20 июня 1941 года...	16
Варшава. Сулеювек. 20 июня 1941 года...	17
Польша. Сувалки. 21 июня 1941 года...	19
Варшава. Сулеювек. 21 июня 1941 года...	21
Польша. Ледницы. 21 июня 1941 года...	23
Берлин. Штаб-квартира «Абвер». 20 июня 1941 года...	24
Польша. Ледницы. 21 июня 1941 года...	26
Польша. Млыно. 21 июня 1941 года...	29
Польша. Ледницы. 21 июня 1941 года...	30
Польша. Балинка. 21 июня 1941 года...	32
Часть вторая. Первый день войны	33
Гродно. Управление НКВД. 22 июня 1941 года...	33
Варшава. Сулеювек. 22 июня 1941 года...	35
Гродно. Управление НКВД. 22 июня 1941 года...	36
Берлин. Штаб-квартира «Абвер». 22 июня 1941 года...	38
Гродно. Управление НКВД. 22 июня 1941 года...	39
Варшава. Сулеювек. 22 июня 1941 года...	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алексей Евдокимов

Они были первыми

Часть первая. Накануне

Москва. Кремль. 19 июня 1941 года...

В приемной генерального секретаря ВКП(б) и по совместительству председателя правительства Советского Союза всегда было тихо и немного сумрачно. В маленькой, уставленной кожаными креслами комнате, днем и ночью горел свет и, приходявшие сюда на прием посетители, словно ожидая чего-то важного и судьбоносного, предпочитали, молча дожидаться своей очереди войти в кабинет. Ранним утром девятнадцатого июня тысяча девятьсот сорок первого года в приемной сидели два человека. Оба в военной форме и оба в звании – «генерал-лейтенант». Одним из них был заместитель наркома внутренних дел СССР Иван Иванович Масленников, возглавлявший пограничные и внутренние войска наркомата. А другим – генерал-лейтенант Филипп Иванович Голиков, руководитель Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии. Несмотря на то, что генералы давно и хорошо знали друг друга, они сидели, молча, и старались не встречаться взглядами. Наконец, сидевший в углу комнаты секретарь, немного привстав с кресла, сказал: «Товарищи генералы, можете входить. Товарищ Сталин, ждет вас!»

Масленников и Голиков встали и, поправив на себе увешанные орденами кители, пошли к дубовым дверям кабинета. Когда они открывали дверь, секретарь в полголоса добавил: «Коба сегодня не в духе! Вечером будет заседать Политбюро по поводу заявления немецкого посла графа фон Шуленбурга». Генералы со значением переглянулись и, не сказав ничего в ответ, один за другим вошли в кабинет. Встав по стойке «смирно», они доложили: «Товарищ Сталин, генерал-лейтенант Масленников по вашему вызову прибыл! Товарищ Сталин, генерал-лейтенант Голиков по вашему вызову прибыл!»

Хозяин кабинета, казалось, не замечал вошедших... Он сидел за большим письменным столом и неотрывно глядел на, лежащий перед ним перекидной календарь. С минуту в кабинете стояла тишина. Затем раздался негромкий голос Сталина: «Здравствуйте товарищи! Я пригласил вас вот по какому вопросу...» Сталин сделал паузу, встал с кресла и через кабинет направился к, стоящим у дверей Голикову и Масленникову. Скользя по их лицам сумрачным взглядом, он продолжил: «Сегодня вечером собирается Политбюро для обсуждения положения на нашей западной границе. Есть информация о том, что в ночь с субботы на воскресенье Германия объявит нам войну. Я хочу знать ваше мнение по этому вопросу. Есть ли дополнительные сведения от нашей заграничной агентуры?» Генералы обменялись встревоженными взглядами и, не решаясь отвечать, застыли в напряженном ожидании. Видя их нерешительность, Сталин требовательным голосом произнёс: «Вначале я хочу услышать мнение Генерального штаба...» Генерал-лейтенант Голиков, щелкнул каблуками и, с трудом подбирая слова, ответил:

– Товарищ Сталин, как я вам уже докладывал ранее... наша заграничная агентура сообщает, что Германия вот уже полгода ведет активные приготовления к войне против СССР... – генерал Голиков сделал паузу, пытаясь по выражению лица Сталина понять его отношение к сказанным им словам. Лицо Сталина чуть потемнело, и он взмахом руки, дал понять, чтобы Голиков продолжал дальше. – Мнение Генерального штаба, по этому вопросу следующее... – продолжил, повысив голос и более уверенно, Голиков. – Мы считаем, что эти сведения дезин-

формация, которую нам специально подбрасывают, чтобы замаскировать операцию по вторжению в Англию!

Сталин нахмурился, в раздумье прошелся по кабинету, затем остановился перед Голиковым и спросил его:

Это мнение у Генштаба возникло на основании полученных вами разведданных или по каким-то другим причинам?

Лицо Голикова побледнело и покрылось капельками пота. Он поднял на Сталина растерянные глаза и быстро ответил:

– Наши разведданные, товарищ Сталин, полностью подтверждают ваше мнение о том, что в этом году Гитлер на нас не нападет.

Сталин поморщился, снова прошелся по кабинету и затем остановился рядом с генералом Масленниковым.

– Вы, товарищ Масленников, командуете пограничными и внутренними войсками. Какая информация есть у вас. Спокойно ли на границе с Германией?

Масленников бросил косой взгляд на Голикова и затем твердым голосом ответил:

– Товарищ Сталин, на границе беспокойно. Есть все основания полагать, что Германия действительно в ближайшее время нападет на СССР.

Сталин пристально взглянул на Масленникова.

– И что же это за основания, товарищ генерал-лейтенант? – после долгой паузы, приглушенным голосом спросил он.

– Пограничные и внутренние войска, пользуясь пунктом договора с Германией о возможности перехода через границу лиц, у которых в оккупированной немцами Польше есть родственники, создали в приграничных районах разветвленную агентурную сеть. – ответил Масленников. – Мы постоянно получаем от неё информацию, о ходе приготовлений Германии к войне против СССР. В районе границы с немецкой стороны концентрируется большое количество войск. В основном пехоты и танков...

– Пехота может располагаться в этих районах на отдыхе после операций по захвату Греции и Югославии. – прервал Масленникова Сталин. – Так нам этот факт объясняют немецкие дипломаты.

Масленников утвердительно кивнул.

– Я с вами согласен, товарищ Сталин, – ответил он. – Но неделю назад у нас появилась информация о том, что немцы строят артиллерийские позиции, и аэродромы вдоль нашей границы. Около артиллерийских позиций складировается большое количество боеприпасов, а на аэродромы привозятся цистерны с горючим. Вряд ли это делается с мирной целью.

Сталин бросил вопросительный взгляд на Голикова.

– Располагает ли такой информацией Генштаб? – спросил он.

Глаза Голикова растерянно забегали под припухшими веками. После долгой паузы он ответил.

– Извините, товарищ Сталин, Генеральный штаб такой информацией не располагает.

– Почему?.. – удивленно спросил Сталин, пронзая Голикова недовольным взглядом. – Это ваша главная обязанность, отслеживать военные приготовления в государствах, с которыми граничит Советский Союз.

Голиков неуверенно пожал плечами.

– Наша агентура находится в крупных городах Германии, товарищ Сталин. Агентуры в приграничной полосе у Генштаба нет.

Сталин недовольно покачал головой.

– Из Берлина, товарищ Голиков, не все увидишь. К тому же, ваших агентов там могут дезинформировать. А приготовления войск у границы не спрячешь. Я считаю, что Генштаб в

этом вопросе допустил серьезную ошибку. Хорошо, что такую же ошибку не допустил наркомат внутренних дел.

Сталин подошел к столу и уже оттуда спросил.

– А может ли ваша агентура, товарищ Масленников, в случае начала войны с Германии провести диверсии на её территории?

– Да, может, товарищ Сталин! – ответил Масленников. – В мирное время наши агенты ведут разведку. Но в случае начала военных действий, они готовы к проведению диверсий. Среди них есть люди, получившие необходимую подготовку. Основными объектами диверсий будут мосты, а также железнодорожные и шоссейные дороги на территории Польши.

Это хорошо, товарищ Масленников, – ответил Сталин.

Он взглянул на, лежащий на столе календарь. Затем нашел в нем страницу с цифрой двадцать два и красным карандашом обвёл её. – Будем надеяться, что планы немцев и на этот раз окажутся блефом... – чуть слышно, словно самому себе, сказал он. Затем посмотрел на генерал-лейтенанта Масленникова и добавил. – Приведите вашу разведывательную сеть, товарищ Масленников, в боевую готовность. Если война все же начнется, ваши диверсанты будут поддерживать наши войска. – Сталин перевел взгляд на генерал-лейтенанта Голикова и затем, подавив вздох, чуть слышно произнес. – Я думаю, что в этой войне Красной Армии придется очень нелегко.

Западная Белоруссия. Гродно. 20 июня 1941 года...

Небольшой белорусский город Гродно летом тысяча девятьсот сорок первого года занимал важное стратегическое положение на границе между Советским Союзом и Германией. Граница проходила всего в тридцати километрах от Гродно и через него вели несколько крупных железнодорожных и шоссейных дорог. Город пересекала широкая и полноводная река Неман и единственной переправой через неё, были мосты, находящиеся в центре города. Поздним вечером двадцатого июня Гродно жил своей обычной мирной жизнью. По улицам проносились покрытые черным лаком легковые автомашины. Большие угловатые грузовики-фургоны развозили по магазинам продукты и товары ширпотреба. У городского театра и на бульварах собирались толпы празднично одетых горожан. В толпе был слышан: русский, украинский, белорусский, польский и еврейский говор.

Недалеко от католического собора, на улице Пилсудского, переименованной после присоединения Гродно к СССР в улицу Калинина, стоял неприметный трехэтажный домик. Окна первого этажа домика были закрыты решетками, а на крыльце всегда дежурил часовой с винтовкой. На стене рядом с часовым висела ярко-красная табличка с надписью: «Городское управление НКВД». В этот поздний час здание управления было уже безлюдным, и только на третьем этаже в угловой комнате всё ещё горел свет.

В комнате находились двое... Молодой человек с волевым, упрямым лицом и густой шевелюрой черных, как смоль волос, в форме капитана государственной безопасности, и человек средних лет, рано поседевший, с лицом, покрытым глубокими морщинами, с неприметной внешностью типичного городского обывателя. Несмотря на очевидную разницу в возрасте и занимаемом положении, разговаривали они вполне дружески.

– Вы, Павел Владимирович, на той стороне понапрасну не рискуйте, – говорил капитан. – Как задание выполните, сразу возвращайтесь. Сами знаете, какая сейчас обстановка на границе. Не сегодня – завтра, война может начаться.

Пожилой мужчина поправил на себе старый потрепанный пиджак и, хлопнув по колену выцветшим картузом, ответил:

– Ни мартв си, пан капитан! Взяйцко беджи добже!

– Говорите, все хорошо будет... – усмехнулся капитан.

– Риск, конечно, есть, – уже по-русски, добавил мужчина. – «Абвер», наверняка, взял меня на заметку. Но я их приемы за этот год тоже хорошо изучил.

Капитан с усилием потер ладонями усталое лицо и поглядел на часы.

– Скоро десять, – сказал он. – Вам пора идти. Давайте еще раз повторите задание.

Пожилой мужчина надел картуз. Его лицо стало серьезным и он, приглушив голос, ответил:

– Перехожу границу. В Балинке сажусь на поезд и доезжаю до Сувалок. Во время поездки наблюдаю за тем, что перевозится по железной дороге. В городе встречаюсь с сестрой. Затем иду «Жана» и «Малыша». Передаю им сообщение. Сажусь на обратный поезд и возвращаюсь, но уже через Липск. По дороге опять контролирую железную дорогу. В Липске выясняю, что происходит на станции. Затем через пограничный пункт в Млынове возвращаюсь в Гродно.

– Все правильно, – кивнул капитан. – Вчера пограничники слышали в районе Липска шум танковых моторов. Они говорят, что по звуку их было более сотни. Надо выяснить – правда, это или нет... – капитан поднялся со стула и протянул пожилому мужчине руку. – Ну, Павел Владимирович, вам пора. Желаю удачи. Жду вас здесь... – капитан бросил взгляд на лежащий на столе перекидной календарь. Затем нашел листок с цифрой двадцать два и обвел цифру красным карандашом. – Через два дня в воскресенье двадцать второго июня.

Варшава. Сулеювек. 20 июня 1941 года...

– Господин подполковник, разрешите доложить? – затянутый в серо-зеленый, парадный мундир, лейтенант вытянулся перед, сидящим за письменным столом, грузным подполковником. Руководитель штаба «Валли», одного из подразделений немецкой военной разведки «Абвер», действующего на территории оккупированной Германией Польши, подполковник Шмальцшлегер вопросительно взглянул на лейтенанта.

– Докладывайте! – разрешил он.

– Господин подполковник, Скавронский опять хочет поехать к сестре в Сувалки. – быстро ответил лейтенант и протянул подполковнику папку с документами.

Шмальцшлегер взял её и, раскрыв, положил перед собой.

– Опять?.. – озадаченно спросил он, разглядывая фотографию пожилого мужчины, приклеенную на первом листе. – Он же навещал её всего две недели назад.

Шмальцшлегер откинулся на спинку кресла и надолго задумался. Лейтенант словно изваяние застыл перед ним. Наконец, Шмальцшлегер поморщился, словно думая о чем-то неприятном, и затем спросил лейтенанта. – Какой маршрут он указал в заявлении?

Лейтенант поднял глаза к потолку и после секундной паузы ответил.

– В Балинке он садится на поезд и доезжает до Сувалок. Обрато возвращается через Липск.

– Через Липск? – удивленно переспросил Шмальцшлегер.

– Так точно, господин подполковник! – ответил лейтенант. – Через Липск.

– Вчера в этот район прибыла девятнадцатая танковая дивизия... – задумчиво сказал Шмальцшлегер. – Не этим ли обстоятельством вызвана эта срочная поездка?

Шмальцшлегер пролистал несколько документов в папке.

Значит, его настоящая фамилия... Горбенко Павел Владимирович. – сказал он. – Лейтенант госбезопасности.

– Так точно, господин подполковник! – ответил лейтенант. – В тысяча девятьсот тридцать седьмом году Горбенко был арестован. Два года находился в заключении. Затем его выпустили. Сейчас он опять служит в НКВД.

– Откуда у вас эта информация, лейтенант? – спросил Шмальцшлегер.

– От перебежчиков, бывших троцкистов, – ответил лейтенант. – По вашему приказу месяц назад мы послали его фотографию в Берлин в штаб-квартиру «Абвера» для проверки. Вскоре пришло сообщение о том, что его опознали бежавшие из СССР в Германию бывшие соратники господина Троцкого: Борислав Мечик и Андрей Козловский. Горбенко вел их следственные дела, когда те еще жили в Белоруссии в Минске.

– Очень странно, что такой человек подвергся репрессиям? – удивился Шмальцшлегер.

Лейтенант пожал плечами.

– Россия – непредсказуемая страна, господин подполковник! – философски ответил он. – Горбенко еще повезло! Он остался жив и продолжает служить в НКВД. Почти всех его сослуживцев по Минску расстреляли или отправили в сибирские лагеря.

– Интересно, что ему так срочно понадобилось на территории генерал-губернаторства? – спросил Шмальцшлегер.

Лейтенант наклонился к подполковнику.

– Может быть, русские что-то узнали про сигналы «Дортмунд» и «Альтона»? – приглушив голос, спросил он.

Шмальцшлегер бросил на лейтенанта недовольный взгляд.

– Если это так, то тогда нас с вами, в лучшем случае, ждет разжалование и передовая, – проворчал он. – «Абвер» делает все возможное, чтобы скрыть подготовку к нападению на Россию.

Шмальцшлегер еще какое-то время раздумывал и затем приказал лейтенанту.

– Ладно, Бауэр разрешите Горбенко въехать на территорию генерал-губернаторства, но не спускайте с него глаз. Попробуйте все же выяснить с кем он встречается. Я имею в виду не его мнимую сестру пани Зосю Скавронскую, а тех поляков, кто сотрудничает с советской разведкой. Вы уже полгода не можете их обнаружить. – Шмальцшлегер с раздражением посмотрел на лейтенанта.

Тот побледнел, встал по стойке «смирно» и, вскинув руку в нацистском приветствии, ответил:

– Хайль Гитлер! Слушаюсь, господин подполковник. Я вам обещаю, что на этот раз Горбенко будет пойман с поличным.

– Хайль! – вяло вскинув руку, ответил Шмальцшлегер. – Я это слышу от вас лейтенант каждый раз, когда этот человек пересекает нашу границу. Идите Бауэр и докажите, наконец, что вы не зря носите форму лейтенанта «Абвера».

Берлин. Рейхсканцелярия. 20 июня 1941 года...

Шеф немецкой военной разведки «Абвер» адмирал Вильгельм Канарис пребывал не в лучшем расположении духа. Он стоял на широких ступеньках входа в резиденцию рейхсканцлера Германии и ждал, когда подъедет его машина. Только что закончилось совещание, на котором окончательно решался вопрос – нападать ли на СССР или нет? Несмотря на все сомнения и тревоги, которые высказывались участниками совещания, рейхсканцлер Адольф Гитлер все же решил начать эту авантюру. Завтра в час дня войска, расположенные на границе с Советским Союзом, получат радиogramму с одним единственным словом – «Дортмунд», что означало начало вторжения в Россию двадцать второго июня в три часа тридцать минут утра. Если бы в радиogramме было слово – «Альтона», то вторжение переносилось бы на другой день.

Рядом с Канарисом стояли еще несколько высших руководителей Третьего рейха. Около непомерно толстого командующего Люфтваффе фельдмаршала Геринга, Канарис заметил высокую худощавую фигуру руководителя нацистской службы безопасности группен-фюрера СС Рейнхарда Гейдриха. Лицо шефа «Абвера» еще больше помрачнело. Именно Гейдрих, на прошедшем в рейхсканцелярии совещании, поставил Канариса в крайне неловкое положение. Когда обсуждался вопрос о внезапности нападения на СССР, Гейдрих сказал, что по попустительству военных властей русские разведчики свободно разгуливают в районах сосредоточения немецких войск в Польше. На недоуменный вопрос Гитлера – как такое возможно? Канарис растерянно ответил, что согласно договору между Германией и Советским Союзом режим в приграничной полосе допускает кратковременные визиты на территорию Польши граждан СССР, имеющих там родственников. Жители Польши также могут посещать территорию Советского Союза. Канарис заверил Гитлера, что все пребывающие в Польшу советские граждане тщательно контролируются и не допускаются в районы, где сосредотачиваются войска вермахта. Его ответ вызвал скептическую усмешку Гейдриха, который заметил, что под носом у «Абвера» русские создали в приграничной полосе генерал-губернаторства отличную разведывательную сеть, и он теперь не уверен, что им ничего не известно о приготовлениях к операции «Барбаросса».

После этих слов, Гитлер пришел в бешенство, и Канарису пришлось долго заверять его, что никакой сети нет и, что «Абвер» держит всё под полным контролем. Наконец, Гитлер успокоился и приказал Канарису в кратчайшие сроки ликвидировать разведывательную сеть русских, если та все-таки существует. Гитлер, вполне резонно заметил, что в случае начала боевых действий русские диверсанты и разведчики могут доставить наступающим войскам вермахта немало хлопот.

Канарис там же на совещании мысленно наметил несколько мероприятий, которые помогли бы выявить русских агентов-нелегалов, но основную надежду он возлагал на то, что в случае начала войны, стремительно наступающие немецкие войска смогут захватить, как и в Польше, архивы русских спецслужб. Информация об агентах наверняка хранится где-то в приграничных районах и если их быстро занять, то в руки «Абвера» попадет полный список, находящейся на территории Польши русской агентуры. Канарис решил немедленно переговорить об этом с заместителем начальника второго управления «Абвера», полковником Штольце, который отвечал за диверсии в тылу советских войск, расположенных в Западной Белоруссии.

Польша. Балинка. 20 июня 1941 года...

До железнодорожной станции в местечке Балинка Павел Владимирович Горбенко добрался только к вечеру. Предъявив дежурившим на перроне жандармам свои документы и разрешение на въезд на территорию генерал-губернаторства, так в Германии стали называть оккупированную в тысяча девятьсот тридцать девятом году Польшу, он, в ожидании поезда, зашел в станционный буфет. Ведущееся за собой наблюдение, Горбенко выявил почти сразу после пересечения границы и регистрации в немецкой пограничной комендатуре. Полицейский чиновник вначале долго рассматривал его советский паспорт. Затем последовала длинная череда вопросов, на которые Горбенко дал вежливые и исчерпывающие ответы. И только спустя полчаса он получил от чиновника разрешение на въезд на территорию Германии. Разрешение действовало в течение двух последующих дней. Выйдя из комендатуры, Горбенко незаметно оглядел стоящих рядом с ним людей. Скорее всего, кого-то из них он увидит по дороге в Сувалки.

Добравшись на попутной машине до Балинки, он зашел в буфет и заказал себе кружку темного баварского пива. После трех лет, проведенных в торгпредстве в Германии в конце двадцатых годов, он полюбил немецкое пиво, и, когда оказывался в Польше, всегда предпочитал заказывать его. Как и ожидал Горбенко, в буфете вместе с ним сидели два человека, которых он видел у комендатуры. Одним из них был железнодорожный рабочий лет сорока, в промасленном комбинезоне и форменной, черной фуражке с польским орлом вместо кокарды. А другим – толстый чиновник, средних лет, одетый в дорогой вельветовый костюм с портфелем и зонтиком. Чиновник всё время поправлял на жирном, мясистом носу очки и то и дело доставал из портфеля и просматривал какие-то журналы. Горбенко не спеша пил пиво, исподволь наблюдая за своими попутчиками. «Кто-то из них...» – решил он.

Прослужив более десяти лет в НКВД, Горбенко хорошо понимал, что за год, в течение которого он регулярно посещал территорию Польши, он не мог не примелькаться немецкой контрразведке. Летом тысяча девятьсот сорокового года после разгрома Франции, когда появились первые признаки начала подготовки Германией агрессии против СССР, пограничные войска и территориальные органы НКВД, расположенные рядом с советско-германской границей, резко усилили разведывательную работу на ней. Используя, заключенный в августе тысяча девятьсот тридцать девятого года договор между Германией и СССР, в приграничных районах была создана сеть разведчиков-нелегалов, которые под видом репатриантов возвращались на территорию Польши из Западной Белоруссии. Для связи с ними использовались их родственники, которые остались жить на советской территории. Именно тогда Горбенко познакомился с жителем Гродно учителем Анджеем Скавронским. Поляк по национальности, убежденный противник фашизма Скавронский согласился помочь органам НКВД. Его родная сестра Зося Скавронская, тоже учительница, проживала в городе Сувалки, находящемся на территории генерал-губернаторства. Брат и сестра подали заявление в репатриационную комиссию и спустя некоторое время им разрешили встречаться. Под видом Анджея Скавронского на эти встречи стал ездить внешне похожий на него Павел Горбенко.

Допив пиво, Горбенко вышел на перрон вокзала, и стал неторопливо прохаживаться мимо, стоящих на путях железнодорожных составов. Выбор станции Балинка для посадки на поезд, следующий в Сувалки, был сделан не случайно. Здесь находился крупный железнодорожный узел, через который следовали грузы для всего приграничного района Белостокского выступа, глубоко вдающегося на территорию Германии. Поэтому даже беглого взгляда, брошенного на станцию, было достаточно, чтобы понять, что интенсивность грузоперевозок в этом районе за последнее время резко возросла. Горбенко видел, что станционные пути были забиты грузовыми вагонами, среди которых преобладали цистерны и длинные большегруз-

ные платформы. Четырехосные с низкими бортами платформы были предназначены для перевозки тяжелых грузов, которыми вполне могли быть танки или другая бронетехника. Причем, согласно маркировке, прибыли они сюда с территории Германии и Франции.

Горбенко несколько раз сфотографировал станцию фотоаппаратом, который висел у него на груди. Делая это, он наблюдал за поведением людей, на которых обратил внимание в буфете. Чиновник и рабочий, также как и он, вышли на платформу, и если чиновник, к фотосъемке Горбенко отнесся с полным безразличием, то рабочий почему-то стал бросать на него долгие подозрительные взгляды. Вскоре рабочий куда-то исчез и спустя минуту появился в сопровождении одетого в серо-зеленый мундир и металлическую каску полицейского. Он что-то тихо шептал полицейскому на ухо и показывал на Горбенко пальцем. Окинув Горбенко внимательным взглядом, полицейский быстрым шагом направился к нему. Приложив кончики пальцев к черно-золотистой каске, он потребовал от него предъявить документы. Горбенко вытащил из кармана разрешение, выданное ему в пограничной комендатуре. Полицейский прочитал его и затем спросил:

– Господин Скавронский, вас инструктировали при пересечении границы, о правилах поведения на территории Третьего рейха?

Горбенко утвердительно кивнул головой.

– Конечно, пан полицейский, – ответил он, стараясь придать своему голосу смятение и растерянность.

– Вы только что сфотографировали территорию станции. – строго сказал полицейский. – По инструкции делать это запрещено!

Горбенко с недоумением огляделся вокруг.

– Господин полицейский, – ответил он. – Но я не вижу здесь объявления для пассажиров, запрещающего фотографировать. И к тому же... – улыбнулся Горбенко. – Меня заинтересовала отнюдь не станция, а прекрасный вид заходящего солнца! – Горбенко указал рукой на, озаренное ярко-красными, солнечными лучами, нескошенное поле клевера, начинающееся сразу за железнодорожными путями.

Полицейский смерил Горбенко неприязненным взглядом, полез в карман и вытащил оттуда металлические наручники.

– Господин вахмистр! – вдруг раздался у него за спиной повелительный голос.

Полицейский повернулся и увидел стоящего рядом с собой толстого чиновника, которого Горбенко видел в буфете. Тот снял шляпу и, обмахивал ею покрытое каплями пота лицо.

– Я представляю министерство торговли рейха, – продолжил чиновник. – Занимаюсь приемкой грузов, поступающих в Германию из Советского Союза, – чиновник вытащил из кармана и показал полицейскому темно-коричневую книжечку. – Я знаю, что этот господин является гражданином этой страны и мне бы не хотелось, чтобы у него возникли неприятности. Это может негативно отразиться на наших взаимоотношениях с Советами. Надеюсь, вы меня хорошо понимаете, господин вахмистр...

Заглянув в темно-коричневую книжечку, полицейский вдруг побледнел. Затем он вежливо козырнул Горбенко и, повернувшись, быстро пошел прочь. Толстый чиновник подошел к Горбенко.

– Анджей Скавронский! – представился тот. – Большое спасибо за то, что выручили меня. Извините, не знаю, с кем имею честь говорить?

Чиновник радушно улыбнулся.

– Клаус Визенталь... – назвал себя он. – Очень рад, господин Скавронский, с вами познакомиться. Надеюсь, что эта поездка в Сувалки оставит у вас только хорошие воспоминания.

Берлин. Штаб-квартира «Абвер». 20 июня 1941 года...

Приехав в штаб-квартиру «Абвера» на улицу Тирпицуфер, адмирал Канарис приказал вызвать к себе заместителя начальника второго управления, отвечающего за организацию диверсий и саботажа в тылу противника, полковник Штольце. Штольце застал своего шефа нервно ходящим из одного угла кабинета в другой. Канарис жестом руки попросил его подойти к, висящей на стене, большой карте Европы.

– Добрый день, полковник! – поздоровался он.

– Добрый день, господин адмирал! – ответил встревоженный Штольце. – Что-то случилось? – спросил он.

На лице Канариса появилась кислая мина.

– Опять этот несносный Гейдрих выставил меня полным идиотом на совещании у фюрера. – раздраженно ответил он.

Канарис кратко рассказал Штольце о том, что произошло на совещание в рейхсканцелярии.

– Теперь Штольце, у фюрера сложилось мнение, что если русская компания будет неудачной, то в этом будет виноват «Абвер». – закончил свой рассказ Канарис. – Оказывается, мы просмотрели у себя под носом разведывательную сеть русских в Польше.

Штольце пожал плечами.

– Но, господин адмирал, – возразил он. – Даже если группен-фюрер Гейдрих в чем-то и прав, то мы также с успехом использовали договор с Советами и внедрили в Белоруссию нашу агентуру. Когда наши войска войдут в неё, она окажет им всю необходимую помощь.

– Это-то я и постарался объяснить фюреру... – воскликнул Канарис. – Но он закатил истерику и в категорической форме потребовал, чтобы мы, как можно быстрее ликвидировали разведывательную сеть русских. Если война затянется, то она действительно может создать нашим войскам проблемы. Достаточно, русским диверсантам взорвать несколько мостов на Немане, Буге или Висле, и снабжение наших войск будет парализовано.

Штольце согласно кивнул головой.

– Вы правы, господин адмирал. – ответил он. – Но как это сделать? Чтобы ликвидировать такую сеть понадобится очень много усилий и времени.

Канарис с лукавой усмешкой поглядел на Штольце.

– И, тем не менее, я пообещал фюреру сделать это в течение нескольких недель! – самодовольно сказал он.

– Но как, господин адмирал? – удивился Штольце.

– Нам надо использовать опыт польской компании, – пояснил Канарис. – Помните, как в Варшаве в наши руки попали архивы польской разведки и службы безопасности.

– Конечно, помню! – ответил Штольце. – Хм... – покачал головой он. – Возможно, вы и правы, господин адмирал. Вы предлагаете захватить такие же архивы в России? – задал вопрос Штольце.

– Конечно же, полковник! – убеждённо воскликнул Канарис. – Если мы получим в свои руки архивы русских спецслужб, то сможем одним ударом разгромить их сеть. Именно поэтому я вас и вызвал к себе...

Канарис взял в руки увеличительное стекло, поднес его к карте и навел на территорию Советского Союза.

– Как вы думаете, где могут храниться эти архивы? – спросил он.

Штольце указал на Москву.

– В Москве, – ответил он.

– Согласен, – кивнул головой Канарис. – А ещё где?

– Возможно где-то в приграничной зоне... – вслух стал размышлять Штольце. – Офицеры, работающие с агентурой, должны иметь под рукой их личные дела.

Вот и я так думаю Штольце. – согласился с ним Канарис.

– Но приграничная зона велика, – засомневался Штольце. – Как узнать в каком городе находится архив?

– Очень просто, – ответил Канарис. – С агентами надо связываться, – продолжил свою мысль Канарис. – Передавать им приказы. Получать от них сообщения. В мирное время это проще всего сделать через посольство. Но в генерал-губернаторстве русского посольства нет. Работу радиостанций там мы тоже не зафиксировали. Значит, всю эту работу выполняют связники, которые переходят через границу. Вот их-то мы и должны найти. Узнав, откуда они прибывают на территорию генерал-губернаторства, мы тем самым узнаем, где находится нужный нам архив.

– Господин адмирал! – вдруг воскликнул Штольце. – Одного такого связного, я думаю, мы уже нашли!

Канарис бросил на Штольце вопросительный взгляд.

– И кто же это? – спросил он.

– Некто, Анджей Скавронский... – ответил Штольце. – Месяц назад подполковник Шмальцшлегер из штаба «Валли» прислал нам на него запрос. Он попросил проверить его личность. Мы показали его фотографию представителям русской эмиграции в Париже и Берлине и те вдруг опознали в нём сотрудника НКВД Павла Владимировича Горбенко. Бежавшие четыре года назад из Карелии в Финляндию господа Борислав Мечик и Андрей Козловский встречались с ним в Минске в начале тридцатых. Он вел их следственные дела по обвинению в терроризме и антисоветской деятельности. Начиная с лета прошлого года, Горбенко под видом брата, проживающей в Сувалках Зоси Скавронской, постоянно навещает её. Именно этим он и заинтересовал Шмальцшлегера. Он хотел завербовать его и, поэтому, стал наводить о нем справки.

Канарис в задумчивости прошелся по кабинету.

– Очень интересная информация. – сказал он. – И откуда ездит господин Скавронский к своей сестре? – спросил Канарис.

– Из Гродно... – ответил Штольце.

Канарис снова подошел к карте, долго рассматривал её и затем спросил:

– Неужели русские настолько не профессиональны, что не знают азов разведки? Связников надо, как можно чаще менять, чтобы те не примелькались противнику!

– Возможно, после репрессий, в НКВД осталось слишком мало опытных сотрудников, – ответил Штольце. – Наверное, поэтому Горбенко продолжает ездить к своей сестре.

Значит, наша цель – Гродно! – убеждённо сказал Канарис. Он повернулся к Штольце. – Срочно свяжитесь со штабом «Валли». – приказал он. – Пусть готовят диверсионную группу для захвата архива. Я уверен, что он находится в городе. И передайте подполковнику Шмальцшлегеру, что это личный приказ фюрера.

– Слушаюсь, господин адмирал! – вытянувшись, ответил Штольце.

Польша. Сувалки. 20 июня 1941 года...

Поезд из Балинки прибыл в Сувалки поздно ночью. Ехавшие в одном купе Анджей Скавронский и Клаус Визенталь сошли на перрон и дружески попрощались. Изобразив на лице улыбку, Горбенко пожал руку Визенталю и, пожелав ему счастливого пути, быстрым шагом направился к пролеткам, стоящим на площади перед вокзалом. Выбрав среди них самую старую и, значит самую дешёвую, Горбенко сел в нее и приказал кучеру отвезти его на Госпитальную улицу. Здесь в доме номер семь жила Зося Скавронская. Он был рад, что, наконец-то, отделался от назойливого немца, который всю дорогу до Сувалок рассказывал ему анекдоты и разные смешные истории из жизни руководителей Третьего рейха.

По дороге на Госпитальную улицу Горбенко незаметно оглядывался, чтобы проверить – следят ли за ним или нет? Пока слежки не было, и он позволил себе немного расслабиться, чтобы обдумать план дальнейших действий. Встреча с Зосей была отвлекающим маневром для немецких контрразведчиков, если те всё же охотятся за ним. Такой вариант Горбенко не исключал, хорошо понимая, что слишком долго находился в поле зрения «Абвера» и СД. Но на все его предложения послать в Польшу кого-то другого, руководство отвечало, что такого человека сейчас нет и, что его легализация потребует слишком много времени. Это хорошо понимал и сам Горбенко. После тысяча девятьсот тридцать седьмого года практически весь состав белорусского НКВД сменился, и теперь в управлении работали лишь молодые сотрудники, не имевшие опыта оперативной работы. Несмотря на то, что Горбенко был полностью реабилитирован после двухлетнего заключения, только настойчивость его начальника капитана Матвеева смогла убедить руководителей республиканского НКВД разрешить ему выезжать за границу.

Отношения между Германией и СССР стремительно ухудшались. Обстановка на границе накалялась с каждым днём и из Москвы постоянно запрашивали, собранную приграничной агентурой информацию. В этот визит Горбенко надо было встретиться с руководителями сети – «Жаном» и «Малышом» и передать им пришедшее из Москвы сообщение особой важности. Весь прошедший день в Гродно постоянно звонили из центрального аппарата НКВД и настоятельно требовали, чтобы сообщение было передано, как можно быстрее. Именно поэтому, несмотря на всё возрастающую опасность провала, Горбенко снова пришлось поехать в Сувалки. Он потер ладонями утомленное бессонницей лицо и посмотрел на часы. Было половина десятого вечера. Связь с «Жаном» и «Малышом» была назначена на утро следующего дня. «Надо успеть выспаться, чтобы завтра чувствовать себя бодрым. – подумал Горбенко. – Малейшая ошибка во время встречи может погубить всё».

Варшава. Сулеювек. 20 июня 1941 года...

Телефонный звонок из штаб-квартиры «Абвера» застал подполковника Шмальцшлегер в ночном казино за игрой в карты. Он держал банк и уже прикидывал в уме сумму выигрыша, когда подошедший официант протянул ему листок бумаги, на котором была написана просьба дежурного офицера штаба «Валли» срочно позвонить в Берлин. Уединившись в одной из комнат казино, Шмальцшлегер набрал указанный в сообщении номер телефона. К своему величайшему удивлению, он услышал на другом конце провода голос адмирала Канариса.

– Доброй ночи, подполковник! – поздоровался тот с ним.

– Доброй ночи, господин адмирал! – ответил растерянным голосом Шмальцшлегер.

– Вы откуда звоните? – поинтересовался Канарис.

Шмальцшлегер на секунду задумался, но затем все же решил не кривить душой со своим шефом.

– Я звоню вам, господин адмирал, из ночного казино... – смущенно ответил он.

– Так я и думал! – усмехнулся Канарис. – Ладно, подполковник, гуляйте, – успокоил его он. – Эта ночь у вас будет последней, когда вы сможете это делать. – Канарис сделал паузу. В телефонной трубке было отчетливо слышно тяжелое дыхание Шмальцшлегера. – Почему, хотите спросить вы? – задал вопрос Канарис и затем сам же ответил на него. – Сегодня фюрер принял окончательное решение напасть на Россию. Завтра ровно в час дня в войска будет передан условный сигнал – «Дортмунд»!

Шмальцшлегер продолжал молчать, словно не осознавая, услышанное им. Наконец, он оправился от волнения и сказал:

– Господин адмирал, штаб «Валли» готов выполнить любой ваш приказ!

Это хорошо, подполковник, – ответил Канарис. – Но сейчас вам предстоит выполнить не мой приказ, а приказ фюрера!

– Я вас внимательно слушаю, господин адмирал! – насторожился Шмальцшлегер.

– Сегодня на совещании фюрер приказал мне, как можно быстрее ликвидировать разведывательную сеть русских на территории генерал-губернаторства. – сказал Канарис. – Когда начнутся боевые действия, она может затруднить нашим войскам продвижение на восток. Чтобы сделать это без особых хлопот, я решил воспользоваться опытом Польши. Надо захватить в Гродно архивы НКВД, в которых наверняка есть сведения об агентах на территории генерал-губернаторства.

– А почему именно в Гродно? – удивленно спросил Шмальцшлегер.

– По вашим сообщениям, подполковник, получается, что именно оттуда приезжают связные. – пояснил Канарис.

– Вы имеете в виду Горбенко? – спросил Шмальцшлегер.

– Да, именно Горбенко! – ответил Канарис. – Вряд ли человек с таким опытом будет регулярно приезжать в Сувалки только для того, чтобы посмотреть, что там происходит. Для такой задачи не нужен кадровый сотрудник НКВД. Достаточно обыкновенного осведомителя. К тому же он всегда едет по одному и тому же маршруту. Значит, сам разведкой не занимается, а получает информацию от кого-то другого. И раз конечный пункт его маршрута – Гродно, значит там и надо искать картотеку русских.

– А вы знаете, господин адмирал... – вдруг вспомнил Шмальцшлегер. – Именно сегодня Горбенко приезжает в Сувалки!

Значит, само провидение за нас! – радостно воскликнул Канарис. – Видимо подполковник вам не удастся сегодня ночью закончить партию в «бридж». Когда он уезжает обратно? – поинтересовался адмирал.

Шмальцшлегер напряг память и затем ответил.

– Разрешение у него заканчивается завтра ровно в полночь.

– Горбенко ни в коем случае не должен вернуться в Россию. – приказал Канарис. – Задержите его завтра на нашей территории. Война начнется двадцать второго июня в три часа тридцать минут. Я думаю, что арестовать его можно будет уже часов в восемь вечера. Все равно официальные русские власти за оставшееся время ничего не смогут предпринять для его защиты. К тому же он находится на нашей территории с документами не на свое имя, а на имя Анджея Скавронского. То есть с фальшивыми. После ареста, срочно доставьте Горбенко в Берлин. Наши специалисты по допросам заставят его заговорить. Все, подполковник. Жду от вас завтра хороших новостей.

Шмальцшлегер услышал в телефонной трубке короткие частые гудки.

Польша. Сувалки. 21 июня 1941 года...

Последний мирный июньский день выдался в Польше на редкость тихим и солнечным. Рано утром, попрощавшись с Зосей Скавронской, Горбенко взял пролетку и на ней поехал обратно на вокзал. По дороге он несколько раз останавливался у хозяйственных и галантерейных магазинов и почти в каждом из них что-нибудь покупал. Наконец, нагруженный свертками и пакетами он добрался до вокзала. Расплатившись с извозчиком Горбенко, попросил его помочь ему отнести покупки в поезд. Тот уже стоял у перрона.

Зайдя в вагон, Горбенко столкнулся в узком проходе с одним из кондукторов, обслуживающих вагон. При столкновении из кармана кондуктора случайно выпало несколько старых проездных билетов, один, из которых Горбенко оставил у себя. Горбенко же во время этой неожиданной встречи лишился наручных часов, которые оказались в кармане пиджака кондуктора. Недовольно буркнув себе что-то под нос, кондуктор быстро пошел дальше по коридору и исчез за дверью, ведущей в соседний вагон.

Эта встреча произошла настолько быстро, что садящиеся в поезд пассажиры не обратили на неё внимание. Когда же Горбенко расположился в купе, то вдруг обнаружил, что извозчик, который вез его на вокзал, забыл отдать ему одну из его покупок, но зато вместо неё Горбенко нашел в своем багаже рекламный буклет какой-то немецкой парфюмерной фирмы. Спрятав его вместе со старым билетом во внутренний карман пиджака, Горбенко с облегчением откинулся на спинку дивана. Встречи с «Жаном» и «Малышом» состоялись, и теперь ему осталось, сойдя с поезда в Липске, выяснить, что происходит на этой железнодорожной станции. Затем через немецкий пограничный пункт он вернется обратно в Гродно.

Бросив взгляд в окно Горбенко, вдруг увидел толстого чиновника, с которым он ехал на поезде из Балинки в Сувалки. Рядом с чиновником стояли несколько немецких офицеров в черной эсесовской форме. Вдруг чиновник тоже заметил Горбенко и приветливо помахал ему рукой. Горбенко в ответ вежливо кивнул. Попрощавшись с толстым чиновником, офицеры направились к его вагону. Горбенко почувствовал какую-то смутную, необъяснимую тревогу. Он находился в купе один. Быстро осмотрев его, он вытащил из кармана пиджака брошюру и билет и засунул их в вентиляционное отверстие, находящегося под столиком обогревателя. Едва он успел это сделать, как дверь купе распахнулась, и на его пороге появились офицеры-эсэсовцы.

– Вы, господин Анджей Скавронский? – на ломанном польском языке спросил один из них.

Горбенко встал и, изобразив на лице удивление, ответил.

– Да, это я, господа!

– Пройдемте с нами! – смерив его враждебным взглядом, сказал офицер.

– Но я подданный Советского Союза... – с недоумением ответил Горбенко, чувствуя, как его ноги и голова начинают наливаться свинцом.

Он вытащил из кармана разрешение, выданное ему на пограничном пункте, и протянул офицеру. Тот даже не взглянул на него.

– Пройдемте с нами! – чуть повысив голос, повторил офицер.

Видя, что Горбенко не двигается с места, офицер взял его за левую руку и надел на её запястье кольцо наручников. Второе кольцо наручников он застегнул на его правой руке.

– Вы не имеете права меня задерживать! – стараясь говорить, как можно громче, сказал Горбенко. – Я советский гражданин! Я требую отпустить меня!

Горбенко грубо вытолкали в коридор, и повели к выходу из вагона. Двери купе стали приоткрываться, и любопытные пассажиры начали выглядывать в коридор. Горбенко продол-

жал громко возмущаться и уже в дверях вагона заметил лицо кондуктора, с которым случайно столкнулся в коридоре. Тот, не отрываясь, смотрел в его сторону.

Варшава. Сулеювек. 21 июня 1941 года...

Бледный испуганный лейтенант в забрызганном пятнами грязи мундире вытянулся перед, сидящим за письменным столом, подполковником Шмальцшлегером. Лицо последнего напоминало готовый вот-вот лопнуть перезрелый помидор. Брызгая слюной, Шмальцшлегер, не сдерживаясь, громко кричал на лейтенанта.

– Как так исчез! Да вы хоть понимаете, что говорите! Как вы умудрились потерять Горбенко? За это вас надо разжаловать и послать рядовым в самый захолустный и спившийся гарнизон!

Лицо лейтенанта стало мраморно белым.

– Так точно, г-господин п-подполковник... – дрожащим голосом отвечал он. – Наружное наблюдение контролировало Горбенко от квартиры Зоси Скавронской до вокзала. Наши люди видели, как он сел в поезд. Затем наблюдение за ним должна была вести другая группа сотрудников. Но когда поезд тронулся, вдруг выяснилось, что в купе Горбенко нет. Допрос проводника позволил установить, что пассажир из этого купе был арестован офицерами в форме СС. Его посадили в машину и куда-то увезли. Куда – неизвестно...

Подполковник Шмальцшлегер, не сдержавшись, громко выругался.

– Чёрт бы вас побрал, лейтенант! Вы не должны были спускать глаз с Горбенко! – продолжал кричать он. – Как могло случиться, что он оказался без наблюдения? Одна группа прекратила за ним наблюдать, а другая еще не начала...

Лейтенант, двигая большим кадыком, судорожно проглотил скопившуюся во рту слюну.

– Извините, господин подполковник, – поникшим голосом ответил он. – Вторая группа задержалась в привокзальном буфете. Они завтракали и не успели вовремя сесть в поезд.

– Так вот оно в чём дело! – ещё громче закричал Шмальцшлегер. – Вместо того чтобы нести службу, ваши люди пьют пиво в кабаках и ведут себя, словно на курорте. А всего через сутки начнется война с Советами!

Шмальцшлегер бросил на лейтенанта негодующий взгляд.

– Ладно, идите... – приказал он лейтенанту, немного успокоившись. – Но учтите, еще одна такая ошибка и вы Бауэр отправитесь на будущую войну рядовым.

– Слушаюсь, г-господин п-подполковник! – лейтенант с трудом повернулся на, негнущихся ногах, и вышел из кабинета.

Шмальцшлегер откинулся на спинку кресла и надолго задумался. Затем он снял трубку телефона и, припомнив личный номер адмирала Канариса, набрал его. Прижав трубку к уху, Шмальцшлегер затаил дыхание. На звонок долго не отвечали. Наконец, на том конце провода послышался голос адмирала.

– Канарис у телефона...

– Извините, господин адмирал... – заискивающим голосом сказал Шмальцшлегер.

– А это вы подполковник! – прервал его Канарис. – Почему вы звоните? У вас что-то случилось?

Шмальцшлегер откашлялся.

– Господин адмирал, я не хотел связываться с вами через адъютанта, – сказал Шмальцшлегер. – И решил позвонить напрямую. Ситуация требует вашего немедленного вмешательства.

– Я это уже понял... – ответил Канарис. – Ближе к делу, подполковник!

Шмальцшлегер секунду молчал и затем подавлено сказал.

– Операция с Горбенко, господин адмирал, к сожалению, провалилась!

В трубке надолго повисло молчание, и затем раздался встревоженный голос Канариса.

– Почему? – спросил он. – Вы что-то сделали не так?

– Нет, господин адмирал, – поспешно ответил Шмальцшлегер. – Мы всё сделали правильно, но... – Шмальцшлегер умолк, не решаясь продолжать.

– Ну-ну, смелее подполковник... Говорите! – приказал Канарис.

– В поезде Горбенко был арестован сотрудниками имперской службы безопасности. – сказал Шмальцшлегер. – И видимо они уже начали его допрашивать.

Канарис надолго замолчал. Шмальцшлегеру было слышно его учащенное дыхание. Наконец, в трубке послышался спокойный голос адмирала.

– Ну, это подполковник не провал, а всего лишь досадное недоразумение. Видимо группен-фюрер Гейдрих решил первым доложить фюреру о выполнении его задания. Что ж, это в его правилах. Я давно знаю этого молодчика. Еще по службе на крейсере «Берлин», где он был курсантом, а я командиром корабля. Он уже тогда не брезговал ничем, ради личной карьеры. Но я не люблю, когда кто-то, даже такой влиятельный в Рейхе человек, как Гейдрих вставляет «Абверу» палки в колеса. Вы правильно сделали, что позвонили прямо мне. Не надо, чтобы наш с вами разговор слушали чужие уши. Как мы и договаривались, готовьте группу диверсантов для заброски в Гродно. А судьбой Горбенко я займусь сам.

Польша. Ледницы. 21 июня 1941 года...

Где он находится вот уже несколько часов, Горбенко не знал даже приблизительно. После того, как его около вокзала посадили в легковой автомобиль, ему завязали глаза и очень долго куда-то везли, постоянно петляя и делая короткие остановки. Судя по доносящимся снаружи звукам, он догадался, что его везут за город. Несколько раз ему был хорошо слышен шум проносящегося мимо поезда. Очевидно, дорогу, по которой они проезжали, пересекало железнодорожное полотно. Да и сама дорога становилась все более неровной и ухабистой, что тоже говорило о том, что они все дальше удалялись от благоустроенных и комфортабельных немецких «автобанов». Когда автомобиль, наконец, остановился, Горбенко, не снимая повязки, провели в какой-то дом и по узкой, с кривыми и обвалившимися ступеньками лестнице спустили в подвал.

Когда повязку с глаз сняли, Горбенко увидел, что оказался в маленькой комнате без окон, в центре которой стоял старый усталый рваный клеенкой деревянный стол. В углу комнаты валялось несколько пыльных табуреток. Крошечная лампочка на потолке едва освещала покрытые зеленоватым налетом сырые бетонные стены. В комнате было невыносимо душно, и стоял тяжелый застоявшийся запах сигаретного дыма. Посадив Горбенко на табурет около стены, эсесовцы сняли с него пиджак и пристегнули наручниками к вбитым в стену металлическим кольцам. Затем обыскали одежду и, взяв с собой все найденные документы, не говоря ни слова, вышли в коридор.

«Что же будет дальше?» – щурясь от света, подумал Горбенко после нескольких безуспешных попыток освободиться от сжимающих руки металлических браслетов. Его немного мутило от духоты и нервного напряжения. Он оглядел комнату. «Крепко пристегнули, сволочи! Отсюда не убежишь. – подумал он. – И гадать, что будет дальше, бессмысленно. Надо посмотреть, как станут развиваться события. Арест гражданина СССР на территории Германии без предъявления каких-либо серьезных обвинений нарушает все существующие международные нормы. Это вызовет громкий дипломатический скандал. И на такое могут пойти только в одном случае... – Горбенко все яснее начинал это осознавать. – Если в ближайшее время произойдет нападение Германии на СССР!» Через неплотно прикрытую дверь, выходящую в коридор, до него донесся шум подъезжающей к дому автомашины. «Вот и начинается!» – подумал Горбенко и вдруг почувствовал, как в груди у него тяжело и тревожно забилося сердце.

Берлин. Штаб-квартира «Абвер». 20 июня 1941 года...

Закончив телефонный разговор с подполковником Шмальцшлегером, адмирал Канарис срочно вызвал к себе полковника Штольце. Когда тот вошел в кабинет, Канарис указал ему глазами на кресло напротив своего письменного стола. Штольце сел и приготовился слушать своего шефа. Но Канарис продолжал молчать, опустив голову и сцепив перед собой пальцы рук. Эта немая сцена продолжалась довольно долго, пока Канарис раздраженным голосом не произнес:

– Наш с вами коллега Гейдрих, полковник, видимо очень сильно захотел отличиться перед фюрером!

Брови на худощавом лице полковника Штольце удивленно приподнялись вверх. По выражению его лица, Канарис понял вопрос, который тот захотел ему задать, и тут же сам на него ответил.

– Я вам рассказывал Штольце о вчерашнем совещании в рейхсканцелярии. Фюрер поручил «Абверу» ликвидировать русскую разведывательную сеть в Польше. Я пообещал ему это сделать в самый короткий срок. Мы с вами полковник разработали прекрасный план действий, – Канарис сделал паузу и взглянул на Штольце. Тот согласно кивнул. – И вот теперь, – продолжил Канарис. – Этому плану хотят помешать!

– Кто? – удивленно спросил Штольце.

Канарис поморщился и затем ответил.

– Имперская служба безопасности! Сегодня утром люди Гейдриха арестовали Горбенко и, видимо, захотят его с пристрастием допросить.

Штольце в растерянности покачал головой.

– М-да... неожиданный поворот событий, – сказал он. – И откуда только они узнали о Горбенко?

Канарис с безнадежностью махнул рукой.

– Я думаю, в этом здании у СД достаточно глаз и ушей. Теперь я понимаю, почему Гейдрих поднял тему русских разведчиков в Польше на вчерашнем совещании у фюрера. Видимо, он получил информацию о Горбенко.

– И что же нам теперь делать, господин адмирал? – спросил Штольце. – Если Горбенко заговорит, люди Гейдриха смогут ликвидировать русскую сеть первыми. Тогда вся наша многомесячная работа пойдет насмарку. Все-таки Горбенко нашли и разоблачили мы. Может быть, вам стоит обратиться к фюреру? Пусть он запретит СД вмешиваться в дела «Абвера».

Канарис отрицательно покачал головой.

Это, я сделаю только в крайнем случае, – ответил он. – Фюрер благосклонен к СД. В случае конфликта между СД и «Абвером», он наверняка встанет на сторону своей партийной службы безопасности.

Канарис в задумчивости посмотрел в окно и затем, прищурив глаза, перевел их на Штольце.

– Ситуация, действительно, сложилась очень неприятная. – сказал он. – Но я думаю, полковник, что из неё у нас есть прекрасный выход.

Брови Штольце удивленно приподнялись вверх.

– Какой, господин адмирал? – растерянно спросил он.

Канарис выдержал долгую паузу и затем сказал.

– Отправить Горбенко обратно в Россию!

Штольце неопределенно пожал плечами.

– И что это нам даст? – спросил он.

Канарис откинулся на спинку кресла.

– Что это нам даст, Штольце? – перепросил он. – Во-первых, мы помешаем Гейдриху доложить фюреру о ликвидации русской сети в Польше и во-вторых, не исключено, что мы сможем завербовать этого Горбенко. – уверенно сказал Канарис.

Штольце с сомнением покачал головой.

– Вы зря сомневаетесь... – нахмурился Канарис. – Конечно, чекист Горбенко вряд ли будет сотрудничать с нами по идейным соображениям, но он уже один раз побывал в сталинской тюрьме и, вряд ли захочет попасть туда снова. А после возвращения на территорию СССР, он там вполне может оказаться.

– Почему вы так думаете, господин адмирал? – спросил Штольце.

– А поставьте себя на место его руководителей, – предложил Штольце Канарис. – Он возвращается в Россию после ареста. Я сомневаюсь, что они хотя бы одному его слову поверят. Тем более, что он уже был когда-то «врагом народа». Оказавшись в такой ситуации, Горбенко может изменить своим принципам и согласиться на сотрудничество с нами. А уж мы поможем ему оправдаться перед своими начальниками.

– Вы, как всегда правы, господин адмирал. – согласился с Канарисом Штольце. – Но сейчас Горбенко находится в руках СД. Я не думаю, что господин Гейдрих так просто отдаст его.

Канарис в знак согласия кивнул головой.

– Я тоже так думаю, Штольце. – ответил он. – Поэтому Горбенко надо освободить так, чтобы «Абвер» был здесь не причем. Пусть этим займется штаб «Вали».

Польша. Ледницы. 21 июня 1941 года...

Дверь в комнату, в которой сидел Горбенко, распахнулась, и в неё вошли два эсесовских офицера. Один из них, низенький и толстый, щелкнув выключателем, зажег в комнате свет, а второй, высокий и плечистый, подойдя к столу, положил на него резиновую дубинку и моток электрического провода. Вытащив из кармана брюк зажигалку, он закурил сигарету и, затем с нескрываемой издевкой, посмотрев на Горбенко, спросил его на плохом польском языке:

– Вы, пан Анджей Скавронский?

Горбенко утвердительно кивнул головой.

– Да, это я! – ответил он по-польски и затем, перейдя на немецкий язык, возмущенным голосом добавил. – Господа, я не понимаю, за что меня арестовали. Я подданный Советского Союза и нахожусь на территории Германии на законных основаниях. Я ездил к своей сестре. У меня есть разрешение вашей пограничной комендатуры.

Слова Горбенко не произвели на эсесовцев никакого впечатления.

– А вы находитесь не под арестом, пан Скавронский, – криво улыбнувшись, ответил ему толстяк.

Горбенко поднял на эсесовцев удивленные глаза.

– Тогда почему меня держат в этой комнате в наручниках? – спросил он.

Высокий эсесовец стряхнул пепел с сигареты на пол и затем ответил:

– Мы хотим получить от вас, пан Скавронский, некоторую информацию... – эсесовец сделал паузу и со значением посмотрел на Горбенко. – Если вы нам её сообщите, то вас немедленно отпустят. – добавил он.

Горбенко в недоумении пожал плечами.

– Я работаю простым учителем в Гродно и вряд ли располагаю информацией, которая может вас интересовать. – ответил он.

– А вот это уже позвольте решать нам... – с угрозой в голосе заметил эсесовец.

Сделав вид, что раздумывает, Горбенко некоторое время молчал и затем нехотя кивнул головой.

– Пожалуйста, так как у меня все равно нет выбора, я готов ответить на ваши вопросы, господа, но право же не знаю, чем могу быть вам полезен.

Эсесовцы обменялись взглядами.

– А вопрос у нас такой... – спросил высокий эсесовец. – Мы хотели бы знать, с кем вы, пан Скавронский, кроме вашей сестры, еще встречаетесь в Сувалках?

Эсесовцы впились глазами в лицо Горбенко. Тот пожал плечами, и, после недолгих размышлений, спокойно ответил:

– Да ни с кем. Вот только вчера в поезде познакомился с неким господином Клаусом Визенталем из министерства торговли Рейха. Может быть, вас интересует именно он?

Высокий эсесовец вытащил из уголка рта сигарету и покрутил головой.

– Нет, этот добропорядочный гражданин Рейха нас не интересует, пан Скавронский.

Горбенко пожал плечами.

– Тогда больше ни с кем, господа, – ответил он. – Я всю ночь провел с сестрой, а рано утром взял пролетку и поехал на вокзал. Можете спросить об этом у Зоси.

Это, все, что вы хотите нам сказать? – бросая сигарету на пол, спросил высокий эсесовец.

Горбенко выдавил на своем лице подобие улыбки.

– К сожалению, все...

Значит вы не поняли нашего вопроса, пан Скавронский! – с нажимом в голосе произнес эсесовец. По его голосу было видно, что он начинает нервничать. – Придется освежить вашу память.

Эсесовец вытащил из нагрудного кармана френча несколько фотографий и поднес их к глазам Горбенко.

– Вам знакомы эти господа? – спросил он и заглянул Горбенко в глаза.

Взглянув на фотографии, Горбенко ощутил мгновенную сухость во рту. На одной из фотографий он узнал бывшего руководителя минского городского банка Борислава Мечика. А с другой, на него смотрело лицо главного бухгалтера этого же банка Андрея Козловского. Горбенко познакомился с этими людьми в тысяча девятьсот тридцать четвертом году, когда работал в центральном аппарате НКВД в Минске и вел их дело по обвинению в организации подпольной террористической группы. Как выяснилось на следствии, никакой группы обвиняемые не создавали, а занимались обыкновенным разворовыванием государственных средств. Тем не менее, каждый из них был осужден на десять лет по статье пятьдесят семь и отправился отбывать наказание куда-то в Карелию. Глядя на фотографии, Горбенко молчал, не зная, что говорить, а эсесовец с нескрываемой иронией разглядывал его растерянное лицо. Подождав еще несколько секунд, он медленно, как бы взвешивая каждое слово, спросил:

– Так вам знакомы эти люди, пан Скавронский?

Горбенко отрицательно покачал головой.

– Нет, эти люди мне не знакомы, господа. – оправившись от удивления, ответил он.

Эсесовец подошел к столу и вытащил из пачки новую сигарету.

– А вот они вас очень хорошо помнят, пан Скавронский, – возвращаясь к табурету, на котором сидел Горбенко, сказал он. – Только не под этой фамилией, а под другой... – эсесовец наклонился к уху Горбенко и шепнул. – Павел Владимирович Горбенко...

На лице Горбенко не дрогнул не один мускул. Эсесовец презрительно усмехнулся.

– И место вашей работы они запомнили, – добавил он. – Н.К.В.Д. – чеканя каждую букву, громко сказал он.

– Я еще раз повторяю, – все также спокойно ответил Горбенко. – Этих людей я впервые вижу. Видимо, они спутали меня с кем-то другим.

Эсесовец недовольно нахмурился и затем с угрозой процедил:

Значит, вы не хотите быть с нами откровенным, товарищ Горбенко. Боюсь, об этом вам скоро придется сильно пожалеть!

При этих словах толстый эсесовец вышел из комнаты.

– Вы о «сыворотке правды», конечно, слышали? – разминая в пальцах сигарету, спросил Горбенко высокий.

Тот отрицательно покачал головой.

– Нет, не слышал, – ответил он.

– Очень хорошо! – эсесовец, показав неровные желтые зубы, улыбнулся. – Это такой химический препарат, от которого человек становится очень болтливым. Помимо своей воли... – пояснил он. – Сейчас сюда придет врач и сделает вам укол. Предупреждаю заранее... – эсесовец поднял вверх, украшенный золотым перстнем, указательный палец. – Доза будет на пределе допустимой. В вашем возрасте это уже опасно. Можете и не выдержать.

Не успел эсесовец закончить говорить, как дверь в комнату распахнулась, и в нее вошел невысокий человек в белом помятом халате и такой же мятой белой шапочке. Опустив на лицо марлевую повязку, он положил на стол небольшой чемоданчик, раскрыл его и, вытащив из него ампулу, уверенным движением наполнил большой стеклянный шприц.

– Я готов, – тихо и даже как-то буднично сказал он, подходя к Горбенко.

– Спрашиваю последний раз! – голос эсесовца изменился и стал резким и угрожающим. – Или вы начинаете говорить то, что нас интересует или за дело примется он, – и эсесовец кивнул на человека в белом халате.

– Давайте, валяйте, – стараясь сохранять спокойствие, через силу улыбнулся Горбенко.

Его лицо оставалось бесстрастным, но он чувствовал, что нервы, напряженные до предела, вот-вот выйдут из его повиновения. «Главное, не думать о «Жане» и «Малыше». Главное, не думать... – лихорадочно приказывал он сам себе, наблюдая, как врач, перетянув его руку тонким резиновым жгутом, медленно вводит иглу в вену. – Надо найти какую-нибудь приятную мне тему и думать только о ней, – вспомнил он рекомендации своих бывших коллег-разведчиков, работавших когда-то вместе с ним в торгпредстве в Берлине. Вдруг, перед его глазами возникло лицо Зоси Скавронской. – А почему бы и нет?» – мысленно усмехнулся он, представив реакцию эсэсовцев после того, как у него закончится действие наркотика.

Почувствовав легкий укол в руку, Горбенко закрыл глаза и начал мысленно отсчитывать удары собственного сердца. На цифре «десять» его голова начала наливаться тяжестью. Он приподнял веки и вдруг увидел, как лица окружающих его людей поплыли куда-то в сторону и стали постепенно уменьшаться в размерах, словно удаляясь от него. Их голоса зазвучали глуше, как в тумане, и он начал проваливаться в липкую, тягучую, чернеющую ночным мраком темноту.

Польша. Млыно. 21 июня 1941 года...

У края небольшой дубовой рощи на покрытом травой косогоре сидело человек двадцать вооруженных людей. По внешнему виду было трудно определить – кто они? На ком-то из них был старый немецкий мундир со споротыми нашивками и погонами. Кто-то был одет в поношенную гражданскую одежду. На ком-то были грязные, закопченные робы заключенных концлагеря. Люди лениво нежились на горячем июньском солнце и изредка перебрасывались ничего не значащими словами. Наконец, один из них, видимо старший, дал короткую отрывистую команду на немецком языке. Люди поспешно вскочили с земли и выстроились в шеренгу.

Вдалеке на проселочной дороге появилось небольшое облачко пыли. Постепенно оно стало расти и вскоре превратилось в сверкающий полированными боками легковой автомобиль. Скрипнув тормозами, он остановился рядом с шеренгой. Дверь автомобиля распахнулась, и из него вышел немецкий офицер. Стоящий перед шеренгой человек в вельветовой куртке и старых польских армейских брюках с немецким автоматом на плече громко крикнул: «Смирно!» и, повернувшись кругом, подошел к офицеру.

– Господин лейтенант! – доложил он. – Группа по вашему приказу построена. Командир группы, фельдфебель Ульрих.

Офицер, не отвечая на приветствие, обошел строй и, затем, остановившись рядом с фельдфебелем, торжественным голосом сказал:

– Солдаты, сегодня вам предстоит выполнить важное задание, порученное нам, лично адмиралом Канарисом. Не удивляйтесь тому, что вы будете делать. Вы должны знать только одно – все, что вы делаете, служит интересам Германии и нашего фюрера Адольфа Гитлера!

Строй безмолвно выслушал слова офицера. Тот обратился к фельдфебелю:

– Вы узнали, куда увезли Скавронского?

– Так точно, господин лейтенант, – ответил фельдфебель. – Его держат в деревне Ледницы. Рядом с ней находится большой концентрационный лагерь, куда свозят поляков и евреев со всей восточной Польши. Именно поэтому я передел часть своих людей в одежду заключенных.

– Каков ваш план, фельдфебель? – поинтересовался лейтенант.

– Мы разыграем нападение на лагерь польских партизан. – ответил фельдфебель. – После этого ворвемся в дом, в котором держат Скавронского, и освободим его.

– Хорошо! – согласился лейтенант. – Постарайтесь обойтись без жертв. Но если вам окажут вооруженное сопротивление, не задумываясь, применяйте оружие. Я на машине буду ждать вас на окраине деревни.

– Слушаюсь, господин лейтенант!

Польша. Ледницы. 21 июня 1941 года...

Когда Горбенко открыл глаза, то ему показалось, что он сейчас умрет. Все его тело нестерпимо болело, а в голове беспорядочным хороводом мелькали несвязанные обрывки мыслей. От сильного головокружения его немного подташнивало, и он никак не мог сосредоточиться и понять, что происходит вокруг. Он с трудом напряг память. Попытался ухватиться за одну мысль, другую... Вначале ему это не удавалось. Но он делал это снова и снова и, наконец, ценой невероятных усилий смог заставить свой разум вновь подчиниться телу. Скосив глаза в бок, Горбенко увидел сидящего на табурете высокого эсэсовца.

– Как самочувствие? – нагло и осклабил тот и, нагнувшись, похлопал Горбенко рукой по плечу. – Никогда бы не подумал, что у вас такие буйные эротические фантазии. Да еще и о вашей родной сестре. Просто до неприличия.

Эсэсовец выпрямился и, запрокинув голову, громко захохотал.

– Вы ей, над-еюсь, нич-его не скаж-ете? – с трудом ворочая непослушным языком, прошептал Горбенко.

– Да уж придется! – эсэсовец оборвал смех и потянулся к, лежащей на столе, пачке сигарет.

Он закурил и, выпустив перед собой облачко дыма, с недовольным видом посмотрел на Горбенко.

– К сожалению, вы не сказали с каким заданием прибыли сюда. А колоть вас еще раз врач запретил. Сердце может не выдержать, – эсэсовец сделал паузу и вновь выпустил изо рта облачко дыма, на этот раз прямо в лицо Горбенко. – Придется использовать более простые способы добывания информации, – с угрожающей интонацией в голосе сказал он. – Вы пока посидите, придите в себя, а мы сейчас приведем сюда вашу мнимую сестру. Возможно, она поможет развязать вам язык.

Через полчаса эсэсовцы втолкнул в комнату, дрожащую от холода и страха Зосю Скавронскую – высокую молодую девушку с копной густых длинных черных волос. Девушка была одета в пеструю домотканую юбку и выцветшую на солнце сиреневую блузку. Увидев, сидящего на табурете Горбенко, она тихо вскрикнула и, закрыв рот рукой, попятилась к двери. Эсэсовец взял девушку за руку и, придвинув табурет, посадил напротив Горбенко, так что их колени почти соприкоснулись. Затем принес другой табурет и со скорбным выражением на лице сел рядом.

– К сожалению, ваш мнимый брат, пани Скавронская, никак не хочет нас понять, – грустным голосом сказал он. – Может быть, вы поможете ему это сделать?

С трудом подняв тяжелую, как бы налитую свинцом голову, Горбенко посмотрел в испуганное лицо Зоси. «Похоже, ей тоже сильно досталось. Вон, какие круги под глазами» – подумал он, заметив, как та вдруг побледнела и, пошатнувшись, схватилась руками за край табурета. Эсэсовец поднялся с табурета, встал сзади Зоси и положил ей на плечи свои ладони. Выждав несколько секунд, он наклонился к ее уху и ласковым голосом заговорил.

– Я думаю, вам, пани, будет неприятно, если этот человек умрет. Причем умрет из-за своего и вашего упрямства. Я прошу сказать мне только одно... – он сделал паузу и, вдруг повысив голос, почти крикнул: – Как давно ты грязная польская шлюха сотрудничаешь с русскими, и какие задания ты выполняла?

Жалобно глядя на Горбенко, Зося пожалала плечами.

– Я уже говорила вам, пан офицер. Этот человек действительно мой родной брат Анджей Скавронский, который живет в Гродно.

Эсэсовец повернул голову девушки лицом к себе и заглянул ей в глаза.

– Я еще раз повторяю. Если ты не ответишь на мои вопросы, я забью его до смерти, – эсэсовец кивнул на бессильно свесившегося со стула Горбенко. – Подумай хорошенько. Даю тебе минуту на размышление.

Зося растерянно посмотрела на эсэсовца.

– Вы не можете так поступить. Вы же человек, а не зверь.

– В первую очередь я солдат, – чеканя каждое слово, ответил тот. – И имею приказ получить от тебя эту информации. У тебя еще осталось десять секунд, пять...

Эсэсовец взглянул на часы и вдруг тыльной стороной ладони почти без замаха ударил девушку по лицу. Вскрикнув от неожиданности, та, закрыла рукой рот и, не удержавшись, упала на пол. Эсэсовец взял Зосю под руки и, легко подняв, посадил обратно на табурет.

– Не заставляй меня делать тебе больно, – его голос зазвучал почти дружески.

Зося, опустив голову, всхлипнула и кончиками пальцев осторожно потрогала распухшую губу.

– Я повторяю, этот человек мой брат Анджей, – упрямо ответила она, откинув рукой сползшие на лоб волосы.

На этот раз эсэсовец ударил её изо всей силы. Девушка, опрокинув табурет, рухнула на пол и замерла не двигаясь. Увидев, что она потеряла сознание, эсэсовец взял со стола дубинку и подошел к Горбенко.

– Если не хочешь, чтобы я продолжил с ней развлекаться, готов тебя внимательно выслушать, – небрежно поигрывая дубинкой, спросил он.

Горбенко облизнул запекшиеся губы.

– Мразь фашистская! – с ненавистью сказал он.

– Ничего, – эсэсовец презрительно усмехнулся. – Сейчас она придет в себя, и я у неё на глазах займусь тобой.

Внезапно за дверью в коридоре возник какой-то шум. Эсэсовец с удивлением посмотрел на дверь. Та вдруг с треском распахнулась, и в комнату ворвалось несколько, вооруженных автоматами людей. Горбенко успел заметить на них гражданскую одежду и двухцветные красно-белые повязки на рукавах. Затем перед глазами у него все поплыло, и он, свалившись на пол, потерял сознание.

Польша. Балинка. 21 июня 1941 года...

Горбенко с трудом открыл глаза и вдруг почувствовал, что ему очень холодно. Приподняв голову, он осмотрелся вокруг. В колющей глаз ночной темноте он рассмотрел, засеянное клевером поле, несколько деревьев, растущих на его краю и серебристую рябь реки, которая текла за полем. Всмотревшись в её изгибы, он вдруг понял, что это Неман, на другом берегу, которого была территория СССР. Горбенко с трудом встал с земли и вдруг увидел, что рядом с ним лежит бесчувственное тело Зоси Скавронской. Он осторожно поднял её и, не разбирая дороги, понес через поле к реке.

Часть вторая. Первый день войны

Гродно. Управление НКВД. 22 июня 1941 года...

Через маленькое зарешеченное окошко начали пробиваться первые еще робкие солнечные лучи. Горбенко посмотрел в окно и понял, что скоро, всего через несколько минут, наступит рассвет. Он бросил взгляд на ручные часы. Было половина четвёртого ночи двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года. Тяжело вздохнув, Горбенко опустился на деревянную койку. Он сидел в крошечной, всего три на три метра, камере предварительного заключения городского управления НКВД Гродно. В соседней с ним камере сидела Зося Скавронская. Сразу после перехода границы, поздно вечером в субботу, они оба были арестованы пограничниками и под усиленной охраной доставлены в пограничную комендатуру, находящуюся в городе Осовец, километрах в ста от Гродно. Горбенко попросил, как можно быстрее связать его по телефону с капитаном Матвеевым, который возглавлял управление НКВД в Гродно и который отправлял его с заданием на территорию Германии. Но ему ответили, что капитан Матвеев сейчас очень занят, и говорить с ним не может, так как по приказу наркома обороны в гарнизоне города объявлена боевая тревога.

Через час в комендатуру приехала машина, на которой Горбенко и Зося Скавронская были доставлены в Гродно и без объяснения причин посажены в камеры внутренней тюрьмы при городском управлении НКВД. Чуть позже начальник караула, который охранял внутреннюю тюрьму, сказал Горбенко, что распоряжение об его аресте получено из Минска и, что завтра утром он вместе с Зосей Скавронской будет отправлен туда. Пожав плечами, Горбенко смирился со своей участью, прилег на койку и постарался заснуть. Но сон не шел к нему. Тяжелые мысли одолевали его, и он снова и снова пытался понять, что же с ним произошло за последние два дня – кто его освободил из эсесовского застенка и, как он попал на пограничный берег Немана? Все произошедшее с ним было настолько нереальным, что даже сам Горбенко с трудом верил в случившееся. Что же тогда говорить о других... И самое неприятное было то, что с момента своего освобождения из камеры пыток до того, как он очнулся на клеверном поле, Горбенко почти ничего не помнил. Не могла ему ничем помочь и Зося Скавронская, так как тоже была без сознания и очнулась только тогда, когда Горбенко переплыл вместе с ней Неман. По своим коротким, отрывочным воспоминаниям Горбенко предположил, что его и Зосю освободили польские партизаны. Он видел на руках людей, ворвавшихся в камеру, где их допрашивали эсэсовцы, бело-красные повязки. Скорее, всего, они напали на концентрационный лагерь, находящийся где-то поблизости, так среди партизан были люди в лагерной одежде. Но зачем они отвезли его и Зосю на границу? Словно они знали, кто он такой.

Чем больше размышлял Горбенко над случившимся, тем меньше верил в то, что его освобождение, было случайностью. Не давало ему покоя также одно воспоминание, которое ему самому иногда казалось сном или бредом. Он помнил, как открыл глаза и увидел, что едет на заднем сиденье легковой автомашины. Рядом с ним сидела, опустив голову Зося. А на переднем сиденье Горбенко увидел людей в немецкой военной форме. Один из них, лейтенант повернулся к нему и, увидев, что Горбенко пришел в себя, вдруг с силой ударил его ладонь по лицу, после чего Горбенко вновь потерял сознание. Лицо этого лейтенанта накрепко врезалось Горбенко в память. Но происходило ли с ним это в действительности или это всего лишь плод его фантазии, решить Горбенко не мог. Поворочавшись на койке Горбенко, снова поднес руку с часами к глазам. Прошло сорок минут.

Вдруг пол в его камере содрогнулся, и он чуть было не упал с койки на пол. Он приподнял голову и стал внимательно прислушиваться. С улицы доносились звуки, похожие на дале-

кие взрывы. Вдруг что-то гроыхнуло почти рядом с домом, в котором находилось городское управление НКВД. С потолка камеры на Горбенко посыпалась штукатурка. Он слез с койки и лег на пол. Затем до него донесся вой проносящегося над домом самолета и звуки пулеметных очередей. С улицы слышались громкие испуганные крики людей. Горбенко вскочил с пола, подбежал к зарешеченному окошку и посмотрел в него. Окошко находилось почти на уровне земли, но ему были хорошо видны несколько разрушенных домов на противоположной стороне улицы и громадный пожар, разгорающийся над находящимся чуть дальше бензохранилищем. «Что это?.. – с ужасом подумал Горбенко. – Неужели диверсия?.. Но откуда тогда самолеты?..» Вдруг он понял, что происходит... «Это война!.. – молнией промелькнуло у него в голове. – Конечно война!.. Поэтому его и арестовали на территории Германии, не боясь дипломатического скандала. Война все спишет...» Горбенко бросился к двери и изо всех сил застучал в неё кулаком. «Откройте!» – громко закричал он, но за дверью не было слышно ни одного звука.

Варшава. Сулеювек. 22 июня 1941 года...

В середине дня двадцать второго июня подполковник Шмальцшлегер связался по телефону с адмиралом Канарисом.

– Докладывайте, подполковник! – приказал ему тот.

– Господин адмирал! – в голосе Шмальцшлегера звучали торжествующие нотки. – Я могу сообщить вам только приятные новости. События разворачиваются на удивление удачно. Наши войска сломили упорное сопротивление советских пограничников и быстро продвигаются вглубь Западной Белоруссии и Литвы. Танки генерала Гота подходят к Гродно, а авиация фельдмаршала Кессельринга полностью господствует в воздухе.

– Спокойнее, подполковник, спокойнее! – усмехнувшись, ответил Канарис. – Меньше эмоций, больше дела. Оставьте эмоции министру пропаганды доктору Геббельсу. Как продвигается операция по захвату архивов НКВД в Гродно?

– Тоже прекрасно! – ответил Шмальцшлегер. – Вчера вечером группа лейтенанта Бауэра, переодетая в форму советских пограничников, незаметно пересекла границу, и сегодня утром передала по радио, что находится уже в Гродно. С минуты на минуту я жду от него сообщения о захвате здания городского управления НКВД, в котором, скорее всего, и находится интересующий нас архив.

– Вы уверены, что группе Бауэра это удастся? – спросил Канарис. – Здание наверняка хорошо охраняется.

– Абсолютно уверен! – заверил Канариса Шмальцшлегер. – В городе сейчас паника. Его бомбит наша авиация. По сообщению Бауэра рано утром, как только началась бомбежка города, от здания городского управления НКВД отъехало несколько грузовиков с его сотрудниками. Грузовики поехали по направлению к границе. Сейчас здание охраняют лишь несколько солдат во главе с сержантом. Бауэр сообщил, что легко справится с ними.

– Рад это слышать! – с облегчением вздохнув, сказал Канарис. – Передайте Бауэру, что в подвале здания он может встретить Горбенко. Тот наверняка уже сидит там, в одной из камер. Посмотрим, что Горбенко скажет теперь. Он оказался крепким орешком, не по зубам молодчикам Гейдриха. Но я не исключаю, что, оказавшись между молотом и наковальней, то есть между нами и своим начальством в НКВД, он пойдет на сотрудничество с «Абвером». Я прощаюсь с вами Шмальцшлегер. Держите меня в курсе событий.

– Обязательно, господин адмирал! – заверил Канариса Шмальцшлегер.

Гродно. Управление НКВД. 22 июня 1941 года...

Только в полдень дверь камеры, в которой сидел Горбенко, открылась, и на её пороге он увидел начальника караула, охраняющего внутреннюю тюрьму управления, сержанта Николая Миронова. Лицо сержанта выражало растерянность. Горбенко хорошо знал Миронова. Тот командовал взводом в роте внутренних войск, приданных городскому управлению. Вместе им довелось участвовать в ряде операций по ликвидации бандитских формирований в городе и его окрестностях.

– Войну объявили, товарищ лейтенант! – взволнованным голосом сказал Миронов. – Только что по радио выступил товарищ Молотов. Сказал, что на нас вероломно, без объявления войны Германия напала!

Лицо Горбенко помрачнело и затем, прейдя в себя от этой новости, он с ненавистью сказал:

– От фашистов другого ждать и не стоило! На той стороне я уже видел их истинное лицо. Миронов несколько секунд молчал и затем сказал.

– Я, товарищ лейтенант, понимаю, что вы под арестом. Но сейчас в управлении кроме вас из офицеров никого не осталось.

– А где же все?... – удивленно спросил Горбенко.

– Рано утром, как только началась бомбежка города, начальник управления капитан Матвеев посадил всех сотрудников управления в грузовики, роздал им оружие, и они поехали в сторону границы, – ответил Миронов. – В управлении осталась только дежурная смена караула – четыре человека вместе со мной. Телефонная связь с утра не работает.

– А где сейчас ваша рота, сержант? – спросил Горбенко. – Свяжитесь с её командиром старшим лейтенантом Назаровым.

– Роты тоже нет, товарищ лейтенант... – опустив глаза, ответил Миронов. – Я послал связного в её расположение. Он только что вернулся и сказал, что здание казармы, в котором размещалась рота, разрушено бомбами. Командир роты и замполит погибли. Очень много раненых. Сейчас там пожарные завалы разбирают.

– А начальник гарнизона? – спросил Горбенко. – Свяжитесь с ним. В крайнем случае, направьте связного в штаб третьей армии. Штаб расположен здесь в городе.

– Помощника начальника гарнизона я час назад встретил на улице. – ответил Миронов. – Он пожар на бензохранилище приехал тушить. Так он сказал, что получен приказ командующего третьей армией генерала Кузнецова, начать эвакуацию города. Немецкие танки уже подошли к его окраинам, а севернее немцы переправляются через Неман, отрезая пути отхода на восток.

Горбенко опустился на кушетку и, обхватив голову руками, задумался. Миронов продолжал.

– Я его спросил, а что мне делать? Он ответил, что у меня свое начальство. Пусть оно распоряжения и отдает. Но сегодня к вечеру город будет оставлен нашими войсками.

В камере надолго повисло молчание. Вдруг с улицы донесся треск мотоциклетного мотора и затем послышался голос часового, стоящего перед входом в управление. Сержант Миронов подбежал к окошку и, взглянув в него, радостно воскликнул:

– Ну, наконец-то и о нас вспомнили! Какой-то офицер-пограничник на мотоцикле приехал. Приказ, наверное, привез. Побегу встречать...

Горбенко тоже выглянул в окошко и вдруг от удивления вздрогнул. Лицо офицера-пограничника, стоящего рядом с часовым, показалось ему знакомым. Он напряг свою память и вдруг вспомнил... Себя, сидящим на заднем сиденье легкового автомобиля... двух немцев впереди... лицо офицера, ударившего его... Лицо этого офицера, и лицо пограничника были

удивительно похожи. «Неужели немецкие диверсанты?» – подумал Горбенко, холодея от ужаса. Он понял, что прямо сейчас и здесь должен принять решение, от которого будет зависеть его дальнейшая судьба и жизнь. Взгляд Горбенко на мгновение задержался на сырых стенах камеры и зарешеченном окне, и затем он без колебаний быстро сказал:

– Подожди, сержант...

Услышав его, сержант Миронов остановился в дверях. Горбенко подошел к нему. Их глаза встретились, и Горбенко твёрдым голосом сказал.

– Можешь мне верить или нет, но я лицо этого человека видел на той стороне границы. Это немец. Диверсант!

Миронов оторопело, с недоверием смотрел на Горбенко.

– Видимо их интересуют архивы управления... – продолжил говорить Горбенко. – В них есть личные дела людей, которые сотрудничают с нами. В том числе и в Польше. Если эти архивы попадут к немцам, то всем им грозит смерть.

– А может вам показалось, товарищ лейтенант? – с сомнением спросил Миронов. – Капитан Матвеев, перед тем как уехать, предупредил меня, чтобы я был с вами поосторожнее. Сегодня вас должны в Минск отправить в республиканскую прокуратуру.

Горбенко тяжело вздохнул.

– Послушай, Миронов, – сказал он. – Я не враг. Если надо, пускай со мной прокуратура разбирается. Дело не во мне. Но ты видишь, что происходит. Война началась! И сейчас надо в первую очередь спасти архивы управления.

Миронов, опустив голову, молчал и лишь его глаза из-под нависших бровей изредка поднимались на Горбенко. Затем он поправил на груди автомат и, ничего не говоря, вышел из камеры. Горбенко подбежал к окошку. Он увидел, как Миронов спустился по ступенькам крыльца и подошел к часовому. Рядом с часовым стояли офицер-пограничник и два рослых, увешанных оружием, сержанта, приехавшие вместе с ним на мотоцикле. Миронов подошел к офицеру и, вскинув руку к козырьку фуражки, представился. Офицер протянул ему облепленный сургучными печатями пакет. Миронов вскрыл пакет и, вытащив листок бумаги, начал его читать.

В этот момент, стоящий рядом с часовым сержант-пограничник вдруг с размаху ударил его ножом в грудь. Часовой беззвучно упал на землю. Миронов словно ждал этого... Он резко присел и нож, которым его хотел ударить второй сержант, пронесся у него над головой. «Огонь!» – громко крикнул Миронов, падая на землю. Из окон первого этажа раздались очереди из автоматов. Оба сержанта пронзенные пулями упали на землю, а офицер, схватившись за левую руку, вскочил на мотоцикл и, оглушительно треща, в облаке фиолетового дыма, понесся по улице. Через несколько секунд он скрылся за ближайшим поворотом.

Все это произошло настолько быстро, что Горбенко только сейчас пришел в себя. Спустя минуту дверь его камеры распахнулась, и на её пороге появился сержант Миронов. Его гимнастерка была разорвана, по щеке стекала струйка крови. Он с благодарностью посмотрел на Горбенко и, отступив в сторону, сказал:

– Выходите, товарищ лейтенант, принимайте командование. Вы мне жизнь спасли. Это действительно были немецкие диверсанты.

Берлин. Штаб-квартира «Абвер». 22 июня 1941 года...

Поздно вечером на стол адмирала Канариса легло срочное сообщение из штаба «Валли». Прочитав его, он раздраженно выругался. Текст сообщения гласил: «Нападение на здание управления НКВД в Гродно закончилось неудачей. Два наших диверсанта погибли. Лейтенант Бауэр легко ранен. По сообщениям наблюдателей, солдаты, охраняющие управление, начали загружать в автомобиль сейфы с документами. Видимо в них находится архив. Остальные документы жгут прямо во дворе. Наблюдатели утверждают, что эвакуацией архива руководит Горбенко».

Гродно. Управление НКВД. 22 июня 1941 года...

Поздно вечером закончив погрузку сейфов с архивами управления в грузовик, Горбенко позвонил к себе сержанта Миронова.

– От капитана Матвеева сообщений нет? – спросил он.

Сержант отрицательно покачал головой.

– Нет, товарищ лейтенант. И я думаю, что он уже не вернется. На окраинах города слышна сильная стрельба.

Горбенко согласно кивнул головой.

– Видимо завтра утром в Гродно уже будут немцы. – подавленно сказал он.

Вместе с сержантом, Горбенко спустился в подвал здания управления и зашел в комнату, в которой хранился архив. Все сейфы архива были пусты, а на полу дымилась большая куча пепла. Разворошив её ногой, Горбенко еще раз проверил, не осталось ли что-нибудь в сейфах и, затем спросил Миронова:

– Девушку накормили?

Миронов улыбнулся.

– Так точно, товарищ лейтенант, – ответил он. – Пол сухого пайка ей отдали.

– Она мне жизнь спасла, – с теплотой в голосе, сказал Горбенко. – На допросе у немцев ничего не сказала.

Он прошелся в задумчивости по комнате и затем приказал Миронову:

– Пошли-ка сержант одного бойца к железнодорожному вокзалу. Там недалеко на Припятской улице в доме номер двенадцать живет её брат Анджей Скавронский. Пусть он срочно придет сюда. А другого связного направь в штаб третьей армии. Надо поставить их в известность, что на управление было совершено нападение и, попросить помочь эвакуировать архивы. Так как капитана Матвеева в городе нет, за их сохранность сейчас отвечает начальник гарнизона.

– Слушаюсь! – сержант Миронов козырнул и вышел из комнаты.

Спустя полчаса в здание управления вбежал взволнованный молодой человек внешне очень похожий на Горбенко. Их различало лишь то, что на лице молодого человека были очки, и его волосы не были такими седыми.

– Где Зося? – с порога крикнул он.

Сидевшая в коридоре на скамейке Зося Скавронская, увидев молодого человека, кинулась к нему на шею.

– Здравствуй, Анджей! – радостно воскликнула она.

Брат и сестра обнялись. Горбенко подошел к ним. Он протянул Анджею Скавронскому руку и, когда тот, выпустив сестру из своих объятий, пожал её, сказал:

– Не думал, что вам придется встретиться в такой обстановке. Кругом смерть и разрушения. Этой ночью наши войска оставят Гродно, и завтра утром в него войдут немцы. Вам обоим опасно оставаться в городе. Немцы обязательно станут вас искать.

Анджей и Зося растерянно переглянулись.

– И что же нам делать? – спросил Анджей у Горбенко.

Тот вытащил из кармана два потрепанных советских паспорта.

– Вы можете поехать вместе с нами, – сказал он, со значением посмотрев на Анджея и Зося. – Но... – Горбенко сделал паузу. – Но мне бы очень хотелось, чтобы вы остались здесь, – после паузы добавил он.

– Остаться здесь? – удивленно переспросила Зося. – Но вы же сами только что сказали, товарищ Горбенко, что фашисты завтра займут Гродно. Я не хочу снова попасть к ним в лапы!

– Подожди, Зося, – прервал сестру Анджей.

Он пристально посмотрел на Горбенко и затем спросил:

– Вы хотите оставить нас на подпольной работе?

Горбенко кивнул головой.

– Да, хочу... – ответил он. – Я понимаю, что это очень опасно. Теперь идет война и, попадись вы в руки немцев, они не будут с вами церемониться. Зося уже видела, на что они способны. Но сейчас очень важно продолжить то, чем мы с вами занимались в течение этого года. Особенно важно именно сейчас, когда началась война... – повторил со значением Горбенко. – Трудно сказать, сколько она продлится. Фашистская Германия очень сильна. Но я уверен, что победа будет за нами. И чтобы эта победа наступила, как можно быстрее, нам нужна ваша помощь.

Анджей и Зося переглянулись. Несколько секунд они молчали и затем Зося сказала:

– Мы согласны, товарищ Горбенко. Говорите, что надо делать?

Горбенко крепко пожал Анджею и Зосе руки.

– Я в вас не сомневался! – сказал он.

Затем Горбенко передал им паспорта и пояснил.

– Отныне вы... Мария и Станислав Зелевские. Родились в Силезии. Затем переехали в Белоруссию. Имеете в Германии дальних родственников. Сегодня же уезжайте из Гродно и постарайтесь добраться до Белостока. Найдите там парикмахера пани Элеонору Зелевскую. Она живет в центре города. Это ваша родная тетя. Она скажет вам, что делать дальше. Если Белосток оккупируют немцы, постарайтесь устроиться на работу в какое-нибудь немецкое учреждение, лучше всего на железную дорогу. Ну а теперь идите! Только не через парадный вход. За зданием могут наблюдать. Уходите через запасной выход.

Горбенко еще раз крепко пожал Анджею и Зосе руки. Когда те ушли он с теплотой сказал Миронову:

– Надежные ребята. Я с ними больше года работаю и ни разу они меня не подвели. Ну а теперь, сержант, давай архивом займемся.

Горбенко и Миронов вышли во двор. Грузовой автомобиль, на который были погружены сейфы, тихо урчал мотором на холостых оборотах. Горбенко взял у Миронова карту и стал её изучать.

– Куда же нам направиться? – задумчиво произнес он. – Документы надо как можно быстрее доставить в Минск. Путь на восток через Лиду нам отрезают немцы. Остается единственная дорога на юго-восток – через Лунну, Мосты и Новогрудок. Но дорога туда, я думаю, уже забита беженцами. Как бы нам не застрять где-нибудь...

В этот момент к Горбенко и Миронову подбежал второй посыльный, которого Миронов отправлял в штаб третьей армии. Рядом с ним Горбенко увидел обсыпанного кирпичной пылью невысокого майора с полевой сумкой через плечо. Майор вскинул руку к козырьку фуражки и представился:

– Майор Верховой, порученец начальника штаба армии! Начштаба приказал мне, помочь вам вывезти архив управления из города.

Горбенко вопросительно взглянул на связного. Тот в ответ кивнул головой, подтверждая слова майора.

– Я вас слушаю, товарищ майор. Какую, вы, нам можете оказать помощь? – спросил у майора Горбенко.

Майор подошел к Горбенко ближе и перешел на шёпот.

– Сегодня ночью с гродненского аэродрома должны вылететь на восток два транспортных самолета. – сказал он. – На них будут эвакуироваться документы штаба армии и ряд штабных работников. Если к двадцати четырем часам вы доставите свой архив на аэродром, то сможете отправить его вместе с ними.

– Где находится аэродром? – спросил Горбенко, разворачивая карту.

Майор пальцем указал на карте точку юго-западнее Гродно.

Вот, здесь... Но вам надо торопиться, товарищ лейтенант. – добавил он. – Немецкие танки уже подошли вплотную к аэродрому. Их пока сдерживает артиллерийский заслон, но они в любой момент могут прорваться на летное поле.

– Я вас понял, товарищ майор, – ответил Горбенко. – Вы сможете показать дорогу? – спросил он.

– Конечно, начштаба для этого меня и прислал к вам. – ответил майор. – Сейчас... – майор бросил взгляд на часы. – Девять вечера. Если у вас всё готово, то надо выезжать немедленно. В полночь мы будем на аэродроме. Но учтите, что в городе активно действуют немецкие диверсанты. Они уже убили нескольких офицеров штаба и делегатов связи, посланных штабом армии в войска. Именно поэтому в Гродно сейчас такая неразбериха. Телефонная связь с утра не работает. Штаб армии не может связаться с войсками на границе. Развертывание вторых эшелонов армии тоже задерживается из-за постоянных налетов вражеской авиации. От удара немецких бомбардировщиков погиб и ваш начальник – капитан Матвеев. – опустив глаза, тихо сказал майор. – Утром он выехал с личным составом управления на помощь пограничникам. Согласно полученной вчера вечером из Генерального штаба директиве, в штабе армии вначале решили, что артобстрел и бомбежка, это всего лишь пограничная провокация, а не начало войны. Колонна Матвеева остановилась для дозаправки в небольшой рощице. Её обнаружили немецкие диверсанты и навели на неё свои бомбардировщики. Те за несколько минут сравняли рощицу с землей. По нашей информации из колонны никто не уцелел. Все погибли!

Горбенко и Миронов молча сняли головные уборы.

– Отличным командиром был капитан Матвеев, хоть и горяч не в меру, – с грустью сказал Горбенко. – Но ему простительно. Ему ещё и тридцати лет не исполнилось. Это он вернул меня на оперативную работу.

Горбенко надел на голову кепку и, обратившись к майору, сказал:

– Сейфы с архивом, товарищ майор, погружены в машину. Другие документы мы сожгли. Можем выезжать прямо сейчас. Вы садитесь в кабину рядом с шофером и показывайте ему дорогу, а я с бойцами поеду в кузове.

Спустя минуту, грузовик, не зажигая фар, выехал на тихую безлюдную улицу и, минуя кирпичные завалы и воронки от бомб, направился к юго-западной окраине города.

Варшава. Сулеювек. 22 июня 1941 года...

Поздно ночью между адмиралом Канарисом и подполковником Шмальцшлегером состоялся короткий телефонный разговор. Говорил по телефону только Канарис, а Шмальцшлегер лишь изредка произносил отрывистые фразы – «Слушаюсь!» и «Будет исполнено, господин адмирал!» Закончив разговор, Шмальцшлегер дрожащей рукой вытер платком со лба пот и вызвал к себе шифровальщика. В его присутствии тот написал текст радиогаммы: «Лейтенанту Бауэру. Примите все возможные меры к захвату архива НКВД в Гродно. Вам в помощь направляется еще одна группа диверсантов в количестве двадцати человек. Если захватить архив не удастся, то задержите его эвакуацию из города до завтрашнего утра. Завтра утром в Гродно войдут наши танки. Горбенко должен быть ликвидирован или захвачен живым. Если порученная вам задача не будет выполнена, вы будете отданы под суд военного трибунала». Подписав радиогамму, Шмальцшлегер поднял глаза вверх и набожно перекрестился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.